Изъ воспоминаній бывшаго гвардейскаго офицера.

Кончина императора Николая и восшествіе на престолъ Александра II.— Празднованіе столѣтія л.-гв. Гренадерскаго полка.—Крестьянская реформа.

Въ 1855 году я имѣлъ честь состоять полковымъ адъютантомъ л.-гв. Гренадерскаго резервнаго полка [1]). Въ этомъ году скончался императоръ Николай Павловичъ, и вступилъ на престолъ бывшій главнокомандующій гвардейскими и гренадерскимъ корпусами наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Многія обстоятельства этихъ достопамятныхъ событій сохранились свѣжо въ моей памяти, и я желаю подѣлиться своими воспоминаніями какъ со всѣми интересующимися этимъ достопамятнымъ временемъ, такъ въ особенности съ близкими всегда моему сердцу, полковыми товарищами давно прошедшаго и настоящаго времени. Тогда праздновалось столѣтіе, а скоро, въ 1906 году, предстоитъ торжество 150-лѣтія нашего славнаго полка.

Въ четвергъ, 17-го февраля 1855 года, вся полковая семья наша собралась вечеромъ у полковаго казначея К... Часу въ 11-мъ подали мнѣ полученный въ канцеляріи экстренный конвертъ изъ штаба главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами съ надписью: секретно, въ собственныя руки полковаго командира.

---

[1]) Съ выступленіемъ въ 1854 году гвардіи въ походъ къ западнымъ предѣламъ Имперіи въ 3-хъ баталіонномъ составѣ, въ Петербургѣ остались четвертые резервные баталіоны, которые, съ прибытіемъ безсрочно-отпускныхъ и новобранцевъ, были развернуты въ особые полки сперва двухбаталіоннаго, а къ зимѣ того же года трехбаталіоннаго состава, съ наименованіемъ ихъ резервными полками, съ назначеніемъ особыхъ командировъ полковъ, а также начальниковъ дивизій и командира гвардейскаго резервнаго корпуса, съ отдѣльными штабами, какъ дивизіонными, такъ и корпуснымъ.

Я представилъ конвертъ бывшему здѣсь же полковнику Б. П. Преженцову, который, прочтя въ сторонѣ бумагу и подозвавъ меня, объявилъ, что штабъ требуетъ немедленной присылки полковаго адъютанта. Мы оба были въ полнѣйшемъ недоумѣніи, что̀ могло вызвать такое экстраординарное требованіе въ ночное время; Б. П. Преженцовъ сказалъ мнѣ, что онъ спать не будетъ до моего возвращенія, какъ бы поздно оно ни послѣдовало; послѣ чего я незамѣтно вышелъ и отправился. Каково же было мое удивленіе, когда, по прибытіи въ штабъ, куда почти одновременно со мною прибыли адъютанты всѣхъ расположенныхъ въ Петербургѣ гвардейскихъ полковъ, начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Витовтовъ объявилъ намъ, что императоръ опасно занемогъ, при чемъ пригласилъ насъ идти съ нимъ въ Зимній дворецъ для полученія предварительныхъ распоряженій и передачи ихъ въ полки. Придя во дворецъ, генералъ Витовтовъ оставилъ насъ въ одной изъ залъ, а самъ направился дальше къ внутреннимъ покоямъ.

Теперь, по прошествіи полувѣка, я хорошо помню о томъ поразительномъ впечатлѣніи, какое произвело на насъ это роковое извѣстіе. Какъ! государь, котораго мы всѣ видѣли полнымъ силъ и здоровья, за два дня, во вторникъ 15-го числа, въ Михайловскомъ манежѣ на отправленіи маршевыхъ баталіоновъ для укомплектованія дѣйствующихъ полковъ, вдругъ опасно занемогъ, и не какою-нибудь опасною болѣзнью, а простымъ гриппомъ. Тогда подъ этимъ наименованіемъ считался осложненный насморкъ съ кашлемъ, и никому въ голову не приходило, что при гриппѣ можетъ послѣдовать такой печальный исходъ.

Полные недоумѣнія, мы блуждали, въ угнетенномъ настроеніи духа, по тускло освѣщенной залѣ дворца, едва переговариваясь нѣсколькими словами. Черезъ четверть часа возвратился Витовтовъ и передалъ намъ нѣкоторыя распоряженія для сообщенія въ полки съ приказаніемъ немедленно возвратиться. Былъ уже второй часъ ночи, когда мы разъѣхались и передали печальную новость. Полковой командиръ нашъ до того былъ ею пораженъ, что едва могъ придти въ себя. Къ 3 часамъ мы были опять во дворцѣ; второе приказаніе уже ожидало насъ; передавъ его въ полки, мы возвратились опять во дворецъ около 5 часовъ утра. Все, что̀ сообщалось, было совершенно секретно, и можно только сказать, что приказанія имѣли характеръ весьма тревожный; чувствовалось, что катастрофа приближается. Дворецъ все еще былъ мрачный, и никто не пріѣзжалъ; изрѣдка только проходили мимо насъ смущенныя особы царской фамиліи; но къ 6 часамъ начали собираться понемногу высокопоставленныя лица наши и дипломатическаго корпуса. Насъ, адъютантовъ, все еще не отпускали, и въ 8-мъ часу послѣдовало приказаніе служить молебны о здравіи императора въ полковыхъ манежахъ, а адъютантамъ опять возвратиться во дворецъ.

Около 10 часовъ утра 18-го февраля мы застали уже тамъ большое число лицъ, ежеминутно увеличивающееся. Наконецъ, въ началѣ втораго часа по полудни распространилась по дворцу роковая вѣсть о кончинѣ императора. Что тогда произошло, трудно описать: всѣ потеряли головы; движеніе, суета страшная, многіе плакали, бросались даже въ кабинетъ покойнаго императора, и хотя никто этому не препятствовалъ, но тамъ царствовало полное благоговѣніе передъ спокойнымъ лицомъ почившаго, отъ котораго только-что отлетѣла рыцарская душа его.

Мы тотчасъ получили приказаніе, чтобы командиры полковъ прибыли во дворецъ для принесенія присяги новому императору. Когда я выѣзжалъ изъ дворца, то вся площадь была наполнена народомъ, и со стороны бывшей разводной площадки [1]), между дворцомъ и адмиралтействомъ, раздавались шумные возгласы. Шумѣлъ народъ. Послѣ же слышалъ, что требовали доктора Мандта, лѣчившаго покойнаго императора. Спускаясь съ дворцовой лѣстницы и едва пробираясь черезъ толпу вновь прибывающихъ, я встрѣтилъ одного знакомаго камеръ-юнкера, который спросилъ меня о состояніи здоровья государя, и когда я отвѣтилъ, что его величество уже скончался, то не только знакомый мой, но и другіе, слышавшіе мой отвѣтъ, остановились, какъ громомъ пораженные; такъ всѣ были озадачены отъ полной неожиданности событія.

Передавъ послѣднее приказаніе, мы остались въ полкахъ, а часа черезъ два съ половиной, присягнувшій полковой командиръ возвратился изъ дворца и привелъ къ присягѣ полкъ.

Новое царствованіе началось!

Черезъ день, 20-го февраля, гвардейскимъ офицерамъ было приказано прибыть въ Зимній дворецъ къ часу дня; всѣ собраны были по полкамъ въ одномъ залѣ. Государь съ малолѣтнимъ наслѣдникомъ, покойнымъ Николаемъ Александровичемъ, вошелъ въ залъ и сказалъ, что прощается съ нами, какъ главнокомандующій, и встрѣчаетъ насъ, какъ императоръ. Долго онъ говорилъ и, наконецъ, прочиталъ выдержку изъ завѣщанія императора Николая I-го, въ которомъ покойный въ особенно теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ за службу свою славную, вѣрную гвардію. Тутъ голосъ государя дрогнулъ, и на глазахъ его показались слезы. Его благородная, изящная наружность, необыкновенно трогательное выраженіе лица и звучный, мягкій, симпатичный голосъ до того наэлектризовали офицеровъ, что они пали на колѣни, замахали султанами, бывшими на прежнихъ каскахъ, и съ неумолкаемыми криками «ура!» бросились къ нему, а маленькаго наслѣдника подхватили на руки, такъ какъ около государя образовалась страшная тѣснота; возвратиться

---

[1]) Нынѣ садъ передъ Зимнимъ дворцомъ.

къ той двери, изъ которой вышелъ къ намъ, онъ уже не могъ; огромная толпа офицеровъ оттѣснила его, и онъ едва могъ пробраться уже въ противоположную дверь зала. Минута была незабываемо-торжественная, въ которую выразилась вполнѣ та безпредѣльная любовь, какую умѣлъ внушить къ себѣ бывшій нашъ главный начальникъ, принимавшій тяжкое бремя царствованія въ ужасный моментъ, переживаемый Россіею, тѣснимой всей Европой.

Не буду останавливаться на подробностяхъ довольно продолжительныхъ печальныхъ церемоній и самаго погребенія усопшаго императора; все это достаточно извѣстно. Замѣчу только, что особенно трогательно было видѣть на панихидахъ во дворцѣ и въ Петропавловскомъ соборѣ прощаніе вдовствующей императрицы съ нѣжно-любимымъ ею супругомъ и удрученное состояніе новаго императора.

Къ зимѣ 1855 года 2-я гвардейская резервная дивизія была передвинута въ Москву, гдѣ и оставалась до расформированія ея въ 1856-мъ году по окончаніи войны и коронаціонныхъ торжествъ.

30-го марта 1856 г. исполнялось столѣтіе со дня основанія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и за нѣсколько дней до этого числа императоръ Александръ II пожаловалъ въ Москву для присутствованія при юбилейномъ праздновавіи полка. Вмѣстѣ съ его величествомъ прибылъ новый командиръ гвардейскаго резервнаго корпуса, генералъ-адъютантъ князь А. И. Барятинскій, будущій намѣстникъ Кавказа. Государь былъ особенно милостивъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, вѣроятно потому, что состоялось перемиріе подъ Севастополемъ.

Наконецъ наступилъ знаменательный для лейбъ-гренадеръ юбилейный день. Парадъ былъ назначенъ въ большомъ московскомъ манежѣ, куда къ 10½ часамъ утра прибылъ полкъ со старыми боевыми знаменами, а вновь даруемыя стояли у церкви манежа. Я долженъ былъ явиться къ 12 часамъ во дворецъ и поздравить его величество—шефа нашего—съ исполнившимся столѣтіемъ полка. Представляющихся было очень много и между прочимя отдѣльной группой стояли губернскій и уѣздные предводители московскаго дворянства. Въ пріемномъ залѣ былъ также кн. Барятинскій, который и поставилъ меня первымъ у двери, изъ которой его величество долженъ былъ выйти къ представляющимся. Вскорѣ государь вышелъ въ нашемъ мундирѣ и, на произнесенное мною поздравленіе съ днемъ совершившагося столѣтняго юбилея полка, изволилъ милостиво отвѣтить:

— Я тоже поздравляю и благодарю за службу,—при чемъ удостоилъ меня объятіемъ и поцѣлуемъ.

Государь началъ пріемъ представляющихся, и когда онъ подходилъ къ предводителямъ дворянства, то кн. Барятинскій приказалъ мнѣ ѣхать къ полку и объявить, что его величество сейчасъ прибудетъ въ

манежъ. Только-что я передалъ это приказаніе и, надѣвъ бывшій въ то время принадлежностію фронтовой формы нагрудный знакъ, сталъ на свое мѣсто у музыки, какъ вскорѣ взошелъ государь и, обойдя фронтъ, приказалъ приступить къ церемоніи освященія новыхъ знаменъ, которую совершалъ протопресвитеръ Бажановъ. Отъ него, по окончаніи богослуженія, знамена принялъ колѣнопреклоненный командиръ полка и черезъ меня передалъ ихъ знаменщикамъ, съ которыми я обнесъ ихъ передъ фронтомъ полка при громогласномъ «ура!». Затѣмъ слѣдовало прохожденіе полка церемоніальнымъ маршемъ, и его величество, выразивъ полковому командиру полнѣйшую благодарность за парадъ, изволилъ отбыть изъ манежа. Въ тотъ же день былъ большой обѣдъ во дворцѣ, при чемъ за царскимъ столомъ сидѣли, кромѣ министра императорскаго двора и корпуснаго нашего командира, исключительно офицеры полка: по правую сторону императора прежде служившіе, а по лѣвую—бывшіе въ то время въ составѣ полка по старшинству. Министръ двора и князь Барятинскій сидѣли противъ государя, а рядомъ съ послѣднимъ было назначено мѣсто полковому адъютанту; всѣ остальные, къ обѣду приглашенные, не принадлежащіе къ полку, какого бы ни были высокаго ранга, помѣщались за другими столами. Во время обѣда играла музыка нашего полка и играла очень хорошо. Когда государь узналъ, что музыканты учились всего одинъ годъ, то особенно благодарилъ ихъ. За обѣдомъ государь нѣсколько разъ изволилъ обращаться ко мнѣ съ вопросами по исторіи полка, которую я, конечно, предварительно хорошо прочиталъ и потому въ отвѣтахъ не затруднялся. Послѣ обѣда всѣ перешли въ сосѣдній залъ, гдѣ былъ поданъ кофе; государь обращался къ намъ съ милостивымъ разговоромъ и изволилъ сказать, чтобы мы имѣли въ виду предстоящій застой въ производствѣ, такъ какъ изъ двухъ полковъ составится одинъ, излишніе нижніе чины будутъ уволены въ безсрочный отпускъ, а офицеры всѣ поступятъ въ одинъ полкъ. Тогда я сказалъ, что мы служили въ войскахъ, когда въ томъ надобность была, а теперь, по окончаніи войны, вѣроятно многіе тоже попросятся въ безсрочный отпускъ. На это государь отвѣтилъ:

— Вижу, куда ты собираешься,—и, отведя меня немного въ сторону, изволилъ спросить:—слышалъ ты, что я говорилъ сегодня московскимъ предводителямъ дворянства?

Я отвѣтилъ, что долженъ былъ уѣхать къ полку, и потому мнѣ не удалось самому слышать, но что рѣчь его величества предводителямъ была настолько знаменательна, что я еще до обѣда узналъ о ней и преклоняюсь передъ мудрымъ начинаніемъ великаго монарха. Государь улыбнулся и сказалъ:

— Очень радъ за тѣхъ, кто сознаетъ необходимость предположенной мною реформы; поѣзжай и благословясь работай.

И такъ великое въ исторіи Россіи дѣло освобожденія крестьянъ впервые было провозглашено императоромъ въ мундирѣ л.-гв. Гренадерскаго полка. Глубоко соболѣзную теперь, что мнѣ не пришлось дослужить до права носить этотъ мундиръ.

Въ этотъ же день въ л.-гв. Гренадерскомъ полку появилось поэтическое привѣтствіе слѣдующаго содержанія:

Свершился нынѣ вѣкъ твоей достойной жизни,
Давно прославленный лейбъ-Гренадерскій полкъ!
Служилъ геройски ты возлюбленной отчизнѣ,
И дѣлъ твоихъ восторгъ досель въ ней не умолкъ.

* * *

Едва родившійся во дни Елизаветы,
Ты съ юныхъ лѣтъ уже былъ битвы властелинъ.
И, помня данные отечеству обѣты,
Съ врагами родины дрался, какъ исполинъ!

* * *

И, славы полнъ, ты, взысканный Екатериной,
Стремительно леталъ во слѣдъ ея орловъ,
И не забылъ Кагулъ твой мечъ неотразимый,
И помнитъ Измаилъ грозу твоихъ штыковъ!

* * *

Но грянулъ страшный громъ двѣнадцатаго года,
И ты, закаленный въ губительныхъ бояхъ,
За русскій тронъ и славу русскаго народа
Дрался—и умиралъ на отческихъ поляхъ!

* * *

И русскій царь, нашъ Александръ Благословенный,
Отъ стѣнъ родной Москвы тебя въ Парижъ водилъ,
И,—съ нами русскій Богъ,—врагъ всюду побѣжденный
Предъ нимъ вѣнчанную главу свою склонилъ!

* * *

Свѣжа въ твоихъ сердцахъ могила Николая,
Великій путь тебѣ онъ къ славѣ указалъ,—
И маніемъ его, Балканы низвергая,
Ты лавры вѣчные подъ Варною стяжалъ!

* * *

Твой вѣкъ обиленъ былъ великими дѣлами,
И войска русскаго ты славу сохранилъ,
Взлелѣянный шестью державными царями,
Для нихъ ни жизни ты, ни крови не щадилъ!

* * *

Широкая лежитъ въ грядущемъ вамъ дорога
И свѣтится въ дали роскошная заря!
И то заря—надежда твердая на Бога
И благость нашего безцѣннаго царя!

* * *

Воспрянь же прежній духъ въ твоей груди широкой!
Сравниться съ предками усердіемъ горя,
И жизни не щади для смерти ты высокой,
За вѣру, родину и русскаго царя!

Этотъ геройскій духъ воспрянулъ въ послѣднюю турецкую войну, при взятіи Горняго Дубняка, когда лейбъ-гренадеры, осыпаемые градомъ смертоносныхъ снарядовъ, съ распущенными знаменами шли, какъ на ученьи, неудержимо бросились на крѣпостные валы и, вспомоществуемые измайловцами и еще нѣкоторыми полками, овладѣли этимъ стратегическимъ пунктомъ.

Скоро послѣдовало отбытіе его величества изъ Москвы, а я, въ восторгѣ отъ милостивыхъ словъ, сказанныхъ мнѣ государемъ послѣ царскаго обѣда, испросилъ себѣ трехмѣсячный отпускъ. Отправясь въ свое имѣніе Костромской губерніи, я началъ присматриваться къ предстоящей дворянству дѣятельности, разсчитывая, послѣ коронаціонныхъ празднествъ и по расформированіи резервнаго полка, ѣхать въ безсрочный отпускъ и посвятить себя сельскому хозяйству и подготовленію къ предстоящей крестьянской реформѣ.

Возвратился я изъ отпуска въ Москву въ началѣ августа. 14-го числа къ вечеру ихъ величества прибыли для священнаго коронованія, остановясь предварительно въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ же день послѣдовала церемонія прибитія знаменъ для гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, вновь сформированныхъ изъ гвардейскихъ резервныхъ полковъ, а также для бывшихъ на западной границѣ трехъ баталіоновъ л.-гв. Гренадерскаго полка; 16-го числа происходило освященіе и раздача этихъ знаменъ. 17-го въ 3 ч. по полудни состоялся торжественный въѣздъ въ Москву ихъ императорскихъ величествъ; 20-го былъ парадъ на Ходынскомъ полѣ огромной массы гвардіи въ двойномъ противъ обыкновеннаго комплектѣ. Блистательный обрядъ священнаго коронованія совершился 26-го августа. Погода была великолѣпная, безоблачное небо и ни малѣйшаго вѣтра.

Два солнца взошло въ этотъ день надъ Москвою; одно обыкновенное свѣтило, весь міръ оживотворяющее, другое — наше русское свѣтило, даровавшее намъ своими благотворными преобразованіями новую свѣтлую жизнь, — нашъ незабвенный царь-освободитель Александръ II. Не поддается описанію тотъ торжественный моментъ, когда императоръ въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой, сопровождаемый своею блестящею свитою и иностранными чрезвычайными послами, поднялся на Красное крыльцо Кремлевскаго дворца и съ верхней площадки троекратно поклонился присутствовавшимъ съ присущими ему сердечнымъ привѣтомъ и достоинствомъ высокоблагороднаго вѣнценосца. За тѣмъ слѣдовали обѣды и балы въ Грановитой па-

латѣ, въ Александровскомъ залѣ дворца, у нѣсколькихъ иностранныхъ пословъ, въ дворянскомъ собраніи и торжественный спектакль, состоявшійся 30-го августа. Въ этотъ день нашъ полкъ занималъ караулы въ Москвѣ, а потому — и караулъ въ Большомъ театрѣ. На спектакль невозможно было попасть оберъ-офицеру, такъ какъ, при громадной массѣ лицъ высокопоставленныхъ, иностранныхъ посольствъ и придворныхъ, многіе полковники не получили билетовъ даже въ верхнихъ мѣстахъ; а потому я, съ разрѣшенія полковаго командира, самъ себя нарядилъ въ театральный караулъ. Въ то время караульный офицеръ долженъ былъ во все время спектакля находиться, въ караульной формѣ съ каской на головѣ, въ серединѣ театральнаго зала, при среднемъ проходѣ въ партерѣ, а потому я хорошо видѣлъ все торжество этого вечера. Царская фамилія помѣщалась въ средней ложѣ; по обѣ стороны ложи бель-этажа были предоставлены иностраннымъ посламъ, которые соперничали другъ передъ другомъ своими блестящими мундирами и туалетами ихъ дамъ, буквально залитыми бриліантами; въ особенности этой роскошью отличались ложи англійскаго и австрійскаго посольствъ. Французскій посолъ гр. Морни былъ еще холостымъ, и потому въ его ложѣ дамы отсутствовали. Представленіе состояло изъ оперы «Любовный напитокъ», съ Бозіо и Лаблашъ, и балета «Маркитантка», съ Ф. Чирито и Перо.

Коронованный императоръ отбылъ въ Петербургъ, и приступлено было къ переформированію гвардейскихъ полковъ по мирному положенію въ трехбаталіонный составъ, при чемъ увольнялись домой всѣ старослужащіе нижніе чины, около трехъ тысячъ человѣкъ. На каждаго слѣдовало приготовить отпускные документы и всѣ дѣла резервныхъ полковъ передать въ дѣйствующіе полки; все это было возложено на канцеляріи и адъютантовъ резервныхъ полковъ. Работы было много, трудились мы безъ отдыха и, не смотря на то, я только черезъ полтора мѣсяца могъ воспользоваться разрѣшеннымъ мнѣ безсрочнымъ отпускомъ и отправиться въ деревню къ новой дѣятельности.

Два года прошли въ ожиданіи великаго переворота въ жизни Россіи. Между помѣщиками понемногу распространялись слухи о предположенной эмансипаціи крестьянъ, но достовѣрнаго ничего не знали; нѣкоторымъ молодымъ дворянамъ, пріѣхавшимъ изъ столицъ, была извѣстна непреклонная воля государя къ уничтоженію крѣпостнаго права, но они не были уполномочены объявлять объ этомъ и потому ограничивались только общими разсужденіями по этому вопросу, проводя мысль о необходимости скорѣе приступить къ благому начинанію, и съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія на это верховной власти. Такіе новые взгляды не нравились большинству помѣщиковъ съ устарѣлыми понятіями; они очень горячо и въ несдержанныхъ выраженіяхъ

порицали взгляды молодежи, которая, нужно отдать ей справедливость, въ большинствѣ случаевъ старалась не раздражаться этими порицаніями, а спокойно и убѣдительно доказывать правоту своихъ стремленій на пользу меньшой братіи. Затѣмъ, послѣ долгихъ ожиданій, появился извѣстный рескриптъ государя генералъ-губернатору Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютанту Назимову, и высочайшее разрѣшеніе приступить къ обсужденію въ собраніяхъ дворянъ назрѣвшаго вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Тогда пошли уже въ средѣ дворянъ открытые споры и даже распри съ постепеннымъ, впрочемъ, усиленіемъ партіи, сочувствующей предстоящей реформѣ.

Наконецъ наступило 19-е февраля 1861 года! Манифестъ монарха былъ объявленъ у насъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно въ имперіи, на 1-й недѣлѣ великаго поста. Церкви были переполнены; всѣ съ благоговѣніемъ слушали чтеніе царскаго воззванія и при произнесеніи словъ: «Осени себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ», присутствовавшіе, какъ крестьяне, такъ и дворяне, перекрестясь, пали на колѣна, и послышались по всей церкви умилительныя рыданія.

Совершилось! Моментъ былъ потрясающій; Россія обновлялась! Народъ спокойно разошелся по домамъ, и великое дѣло началось. Только люди, все это видѣвшіе, которые жили самостоятельной жизнью до Александра II и послѣ него, могутъ достаточно оцѣнить его мощную, благотворную дѣятельность на пользу Россіи.

Князь **А. П. Вадбольскій.**